

ДВУЯЗЫЧИЕ И БЮРОКРАТИЗМ

В 6-ом и 7-ом номерах за прошлый год «Радуга» опубликовала выступление языковеда Мати Хинта «Проблемы двуязычия: взгляд без розовых очков». Статья, рассматривающая проблемы двуязычия, вызвала дискуссию, которая вышла далеко за пределы не только Эстонии, но и языкознания, а по мнению некоторых — и за пределы дозволенного. Мы знали, что проблема двуязычия в национальных республиках стоит весьма остро, но такой лавины откликов все-таки не ожидали. На сегодня уже ясно, что статья Мати Хинта попала в одно из самых больных мест всего нашего общества. Ведь причины болезни коренятся очень глубоко. Проблема двуязычия относится к сфере национальных отношений, а их формируют, прежде всего, социально-экономические условия жизни. Положение народа и его языка — следствие, а не причина. Вот почему мы решили выйти за рамки дискуссии только о языке, попытаться найти причины обострившейся языковой и национальной ситуации в социальном и экономическом развитии Эстонской ССР в последние десятилетия. По мнению редакции, цикл статей Эдгара Сависаара «О национальных отношениях в Эстонии в 70—80 гг.» во всей полноте раскрыл причины нынешнего положения в республике, и мы считали, что тема эта уже исчерпана. Однако статья Мати Хинта продолжала свой «крестный ход» по стране, вызывая все новые и новые отклики от людей, наделенных сердцем и совестью — из самых разных уголков нашей земли. В этих откликах люди пишут в «Радугу» уже о самом своем сокровенном — о своем народе, о положении с родным языком. На сегодня мы получили письма из Москвы, Грузии, Армении, Белоруссии, Латвии, Литвы, Чувашии и т.д. Нашему автору Мати Хинту журнал «Дружба народов» заказал статью о проблемах двуязычия.

Вот почему мы сочли необходимым вернуться к обсуждению национальной проблемы языка, но теперь уже не ограничиваясь только Эстонией, а во всеобщем масштабе. При этом мы надеемся,

что знакомство с теми проблемами и трудностями, которые стоят перед нашими соседями, позволит и нам извлечь урок, послужит предостережением. Первое слово предоставляется публицисту из Белоруссии, кандидату искусствоведческих наук Зенону Позняку. Его статья посвящена восстановлению ленинских принципов национальной политики.

На основании предшествующего опыта редакция предполагает, что эта публикация вызовет ярое возмущение бюрократии, что и послужит на пользу перестройке.

Исторический опыт народов подтверждает, что развитие национальной культуры и быстрое достижение ею высокого уровня осуществляется при условии разностороннего межнационального взаимодействия опытом и одновременно при условии продолжения национальных традиций, а главное — бережного сохранения автономии основных средств культуры (свободного общественно-полезного труда, языка, исторической памяти; то есть, тех средств, без которых культура вообще не возникает и существовать не может). Эта схема закономерности так называемого ускоренного развития культуры, или «ускорения», впервые исследована и предложена еще в 1915 году классиком белорусской поэзии М. Богдановичем применительно к литературе национально-возрождающегося народа. Однако эта закономерность характерна вообще для эволюции национальных культур.

Двуязычие имеет свои сильные положительные стороны главным образом для высокообразованной части населения. Но в таком важном вопросе, который непосредственно и существенно касается судеб людей, народов, культур, решающую, сущностную роль должны играть не положительные, а отрицательные моменты. И если они все же есть, если они достаточно серьезны — от эксперимента следует отказаться, как от опасного негодного лекарства, ибо объектом такого опыта является не машина, не бездушный механизм, не дерево, а человек.

М. Хинт приходит к верному альтернативному и очевидному выводу — необходимо «общее владение вторым языком и обогащающие контакты в области культуры». Это то положение, которое вытекает из реальной, наиболее оптимальной практики интернационального взаимодействия и объективных закономерностей развития национальных культур.

Некоторых читателей, однако, возможно удивит, сколько аргументов и труда тратит М. Хинт для доказательства казалось бы ясно видимых истин. Ведь никто же не предлагает ввести «полное двуязычие» под тезисом «русский язык — второй родной язык», — скажет иной оппонент. — Где это написано? В каких законодательных постановлениях? Разговор идет всего лишь об улучшении преподавания и изучения русского языка как языка межнационального общения. Риторика знакома и, казалось бы, небезосновательна. Действительно, термин «второй родной язык» не употребляется в официальных изданиях и документах ввиду ненаучности такого понятия, так же как «вторая родина», «вторая мать» и т. п. Наука не терпит неопределенности и не пользуется метафорами. Так, в переписи населения СССР (см., например, материалы переписи 1979 г.) употреблены графы для учета лиц, которые владеют «языком другой национальности» и тех, которые «свободно владеют вторым языком народов СССР». Здесь все определено. Алогизмы о «втором родном языке» отсутствуют. Но рассуждения о нем, о «двуязычии» пестрят в словах и речах бюрократии. И дело здесь не в непонимании терминов и сущности понятий. У бюрократии свое бюрократическое понимание языковых отношений, имеющее давнюю историю.

Двуязычие в расчетах бюрократии — это метод давления на национальную культуру, средство подрыва ее единого консолидирующего начала, «разоружения» перед лицом ассимиляции в интересах единого бюрократического государства. Если представить, что с бюрократией каким-либо чудесным образом вдруг покончено, то вопрос о введении двуязычия для народов СССР вообще не стоял бы ввиду отсутствия социальной силы, заинтересованной в монопольном владении авторитарной властью. Существование и свободное развитие национальных культур создает демократическую обстановку в обществе и само является результатом этой обстановки, независимо от уровня демократизации. Управлять такой

страной (тем более бюрократическими методами) бюрократии сложно. Она стремится к упрощению, к «механизации» отношений, к полному подавлению демократических начал и автономий национальных культур, демонстрируя при этом изощренные демагогические приемы, способные ввести в заблуждение и обмануть массы.

М. Хинт рассмотрел проблему двуязычия с лингвистической точки зрения, показал ее теневые стороны, предостерегая, что «на деле быстрая смена языка и культуры может привести к бескультурью, преодолеть которое удастся, в лучшем случае, через несколько поколений». Необходимо отметить, что речь идет о культурной катастрофе, которая сама по себе, без изменения социально-политических аспектов бытия, непреодолима. Однако слабость этого, в сущности правильного предостережения, призванного остановить демагогический оптимизм всякого рода «планировщиков будущего», состоит в парадоксе: оно вполне устраивает этих «планировщиков». Перспектива духовного бескультурья в национальных республиках способна обеспокоить только культурных (в том числе и русских) людей, но никак не русскую и местную «компраторскую» бюрократию и даже бюрократизированную (сросшуюся с бюрократией) интеллигенцию. Ради «великой цели» чиновники смогут пережить не одно поколение бескультурья (ибо сами они уже бескультурные). Зато потом... «единый язык» и никаких проблем. В действительности, правда, проблем будет еще больше. Но какое это имеет значение по сравнению с завоеванием еще одной ступеньки к осуществлению политической цели бюрократии — безраздельному укреплению и централизации бюрократического государства.

Не следует забывать об агрессивности и особой психологии советской бюрократии. У нее другая шкала ценностей. Народы, личность, национальная культура... — в чиновничьем понимании это пережитки, ибо объективно по своей социальной и психологической сущности, несмотря на якобы патриотические речи, бюрократия космополитична (отсюда и космополитическая трактовка понятия интернационализма) и глубоко враждебна всякому творческому, духовному спонтанному развитию любой культуры, в том числе и культуры собственного народа. Это очень хорошо видно на примере отношения к памятникам национальной

истории и, в частности, русской истории, подвергшимся бюрократическому опустошению ничуть не меньше, чем памятники других народов.

Бюрократия стремится контролировать демократическую духовную культуру, подкупить ее, чтобы влиять, руководить и, наконец, задавить и создать суррогат, имитацию духовной культуры. Она бюрократии не нужна и вредна. Ибо демократическая духовная культура (напомню, что «культуры вообще» не бывает, она существует в национальных особенностях и форме) — это та среда, в которой вырастает человек-личность, человек-творец, который внутренне свободен. Бюрократическая же система общественных отношений и синтезированные в ней ценности благоприятствуют выростанию человека-функционера, в сущности своей холуя, лишенного свободы и творчества. Он необходим бюрократической машине власти как спица в колесе, является своеобразным «селекционным заказом» бюрократии, способным существовать в мертвом мире бюрократических взаимоотношений. Кризис наступает тогда, когда образуется социальное общество функционеров. Тогда начинается застой, ибо мертвый, бездушный организм сам по себе не движется. Мы еще переживаем такой кризис. В нем отражено основное антагонистическое противоречие бюрократизма — между чиновничьим самовластием и народным самовыражением.

Стремление к безраздельной бюрократической власти породило, казалось бы, взаимоисключающие тенденции: космополитизм по отношению к любой культуре и «языковой шовинизм». Но это кажущееся противоречие. Шовинизм и космополитизм солидарны и мирно сосуществуют в бюрократизме, проявляясь то одной, то другой стороной в зависимости от обстоятельств и требований момента. Язык бюрократии рассматривает только с точки зрения его коммуникативной функции связи, но отнюдь не как средство культуры. Язык ей необходим только как единый унифицированный механизм сообщения, обеспечивающий удобное функционирование власти (а не развития культуры). То есть, ей нужен тот «единый государственный язык», политическую реакционную сущность которого применительно к многонациональному государству критиковал и отвергал В. И. Ленин.

Именно потому, что бюрократия исходит не из культурного, а только из коммуникативного качества языка, словарный запас ее речи ограничен, частотность не-

пропорциональна, употребление понятий неадекватно, выражение мыслей примитивно, интеллигентность произношения низка. Стремление к удобной схематизации жизненных отношений отражается и на языке. Бюрократия стремится приспособить его к обслуживанию только своих интересов, создавая тем самым своеобразный жаргон, являющийся жалкой пародией на национальный язык.

В государстве, где мнение бюрократии доминирует, происходит сильное влияние чиновничьего языка (поскольку бюрократия выступает одновременно и в роли социальной элиты) на все стратиграфические пласты употребления национальной речи. Неадекватно употребляемая военная лексика (здесь и «трудовой фронт», и «торпедирование вопроса», и «бой за урожай», и «выступление единым фронтом», и «на вахте», «на платформе» и т. д.), вычурные фразеологизмы, громоздкие грамматические конструкции, странные даже в русской речи, успешно и в первую очередь проникают в другие национальные языки, деформируют их структуру и, несмотря на отличие в звучании (а иногда и без этого отличия), создают общую понятийную основу для восприятия единого жаргона своеобразного бюрократического пиджин-языка. Двухязычие, так, как его понимает бюрократия, может только ускорить этот процесс. Суть положения не только в том, что введение двухязычия научно необоснованно, а в том, что оно обусловлено классовым стремлением правящей бюрократии к утверждению повсеместно единого государственного языка. (Да, я не оговорился, именно «классовым» стремлением. Но об этом ниже.)

Обратимся же кратко к истории вопроса. «Надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно», — писал В. И. Ленин в работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации»». — Нет сомнения, что под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом единства фискального и т. п. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства. Для борьбы с этими злоупотреблениями необходима особая изобретательность, не говоря уже об особой искренности тех, которые за такую работу возьмутся. Тут потребуются детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике».

Именно на таких принципах языковой политики создавался Союз Советских Социалистических республик и развивалась культура народов в 1920-х годах. Избавлялись от великодержавных пережитков прошлого, возрождали демократическую и строили социалистическую национальную культуру и прежде всего повсеместно утверждали ранее угнетенный свой язык.

Заметим, что В. И. Ленин, требуя «строжайших правил», не сомневается в злоупотреблениях «при современном нашем аппарате». Разговор идет о бюрократическом аппарате управления начала 1920-х годов, который, по оценке В. И. Ленина, был полностью «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром». «Мы должны по совести сказать обратное, — писал В. И. Ленин в указанной выше работе, — что мы называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет собой буржуазную и царскую мешанину... При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке».

Несмотря на то, что последние работы В. И. Ленина опубликованы еще в 1956 году, оперирование ленинскими положениями по национальному строительству было затруднено. Вопрос о бюрократическом шовинизме был запрещенной темой. Но, — захотят мне возразить, — можно ли сравнить тот аппарат, о котором писал В. И. Ленин, с современными руководящими работниками? В этой связи надо отметить одну сущностную особенность бюрократии. Она способна (притом фантастически способна) в любых самых невероятных условиях приспособляться к любой идеологии от самой тиранической до вполне демократической. Однако демократическое устройство общества лишает бюрократию полноты власти и бесконтрольности со стороны народа. Поэтому бюрократия никогда не заинтересована в развитии демократических отношений. Социалистическое развитие общества и демократизм во всех сферах жизни, деятельное участие народа во всех процессах общественного строительства

— вот те условия, которые должны были гарантировать перестройку, перерождение старорежимного управленческого аппарата в 1920-х годах, сломить его психологию и привычки, отбросить чиновничьи принципы и, взяв профессиональный опыт, поднять на другой уровень. На это рассчитывали революционеры. Это засвидетельствовано содержанием ленинской политики, в его статьях и работах. После смерти В. И. Ленина мы наблюдаем отход от принципов демократизма, утверждение жестких административных методов формирования той особенной структуры руководства и отношений, которые принято теперь называть «периодом культа личности Сталина» и которое было ничем иным, как крайним выражением бюрократического самовластия.

Как только были отброшены демократические основы общественного развития, бюрократия укрепилась и разрослась. Старорежимный аппарат перестроился по новой форме, по новым идеям и на старых принципах. Он приспособился, сросся с течением нового социального времени, повлиял на всю структуру государственной и административной власти. И первыми жертвами этого необюрократического образования стали передовая демократическая интеллигенция и революционеры-ленинцы.

Революция сломала старую государственную власть — эту, по словам Ленина, машину для угнетения одного класса другим. Но оставила мотор, двигатель этой машины — управленческий аппарат, перестройка которого в связи со смертью Ленина и отказом от развития демократических принципов управления была брошена на полпути. Набрал обороты, двигатель смоделировал и новую систему машины власти, которая, естественно, исходила из принципов работы этого двигателя. Машина стала работать сама на себя. Отсюда родственная преемственность между старой и новой бюрократией и тождественность многих отношений, которым мы не перестаем удивляться, в том числе и в национальном вопросе. Но вот что характерно. Если в сфере господства частной собственности бюрократия объективно зависима от правящего класса и ее господство (власть) имеют служебную функцию, то в условиях общественной собственности на средства производства, регулирование которой осуществляет государство, бюрократия, подчинив себе государственную власть, получает доступ к самостоятельному потреблению и распределению общественных благ и продуктов общественного труда,

а также к средствам производства и общественной организации труда. То есть, в распоряжении бюрократии оказались классовые ценности рабочих и крестьян. На этом этапе, достигнув абсолютной власти в обществе (повторяем, где ликвидированы эксплуататорские классы и обобществлены средства производства через посредство государства), бюрократия выступает как паразитический класс. При этом она заинтересована в укреплении своей власти путем уничтожения эксплуататорских классов и утверждения общественной собственности на средства производства, а также путем коренного социалистического преобразования экономики, создания необходимых социально-политических, культурных и духовных предпосылок для достижения социальной однородности общества.

Нетрудно заметить, что основные политические цели и задачи бюрократии, рабочего класса и социализма совпадают. Но они совпадают ровно настолько, насколько совпадают интересы человека и вши, которая его ест, или человека и солитера, который живет его пищей. Всякий паразит биологически заинтересован в своей питательной среде, в том, чтобы его жертва тоже питалась, жила и чем больше, тем лучше. Достоверно известно, что во времена бюрократического абсолютизма Сталина, он и его окружение смутно представляли себе цену деньгам, так как жили за счет государства. Деньги им были, в сущности, не нужны. Все блага давала власть. Именно в это время сформировались такие явления, как чиновничья номенклатура и непогрешимость, кастовая психология, спецобеспечение и другие привилегии. Отсюда легко понять, почему таинственность, сокрытие и подавление правды, гласности, демагогия и ложь стали средством существования бюрократизма, а сущностью бюрократической работы — имитация деятельности. Это вытекает из особых отношений в среде узурпированной власти, обусловлено социальным паразитизмом бюрократии на труде всего общества, паразитизмом, который и определяет ее общественное поведение. Конечно, бюрократ тоже работает. Но суть в том, как метко сказал кто-то из писателей, что чиновник работает для чиновника, а не для дела.

Попытки ограничить бюрократический абсолютизм во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов, восстановить права народа, раскрепостить мысль, осуждение преступлений периода культа личности Сталина не имели продолжения.

В семидесятые годы стало очевидно, что в новых условиях в обществе вырос такой социальный монстр, такое тысячеглавое бюрократическое чудовище, которое в состоянии развратить, пережевать и полностью сожрать все — культурное наследие, традиции, идеологию, интеллигенцию, мораль, национальные языки, природные богатства, экономику и даже социализм.

По своей социальной сущности бюрократия выявляет типичную мелкобуржуазную психологию и мелкобуржуазную революционность, ту революционность, которую обычно выявлял, по словам В. И. Ленина, взбесившийся от эксплуатации и ужасов капитализма мелкий буржуа. Такого же рода «революционность» делала агрессивным бюрократа, загипнотизированного страхом террора 1930-х — начала 1950-х годов. (Способ спасения от репрессий — продемонстрировать «революционную» бдительность.) Когда же гипноз развеялся, оказалось, что бюрократия сама не против пожить «по-буржуазному» — и сыто, и красиво, и богато, и с комфортом. Коррупция, паразитизм в среде аппарата власти достигли небывалых размеров. Как зеркальное отражение гниения бюрократии распространились общественные болезни среди народа — потребительство, приспособленчество, спекуляция, взяточничество, разворовывание общественного имущества, низко пала мораль, катастрофически распространилось пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция, почти без препятствия растет массовая культура, массовое сознание.

Произошло перерождение отдельных руководителей, — можно услышать теперь. В действительности никакого перерождения не произошло. Просто в иных общественных условиях мы видим проявление типичной мелкобуржуазной сущности бюрократии. Переменятся обстоятельства — изменится и поведение. Бюрократия — это феникс и хамелеон одновременно. Сейчас, после некоторого замешательства, она уже уверенно говорит о «перестройке», имитирует «демократические» перемены и даже борется с... «бюрократизмом», а в целом довольно ошутимо владеет ситуацией. Такое положение можно объяснить тем, что проводимая политика реформ, именуемая перестройкой, исходит прежде всего из кризисной, но отнюдь не революционной обстановки. Однако для проведения реформ в жизнь необходимы действительно революционное сознание, общественный эн-

тузиазм и революционная демократическая власть. Впрочем, решающее слово должна сказать экономика.

Логика исторического социального процесса указывает на необходимость ликвидации бюрократии. Этой цели можно достичь в результате глубокого, последовательного и всеобщего развития демократии как политической системы социализма, а не только как метода организации труда (притом, примитивного, урезанного, зачастую бюрократически извращенного метода, как это оказывается на деле). Борьба с бюрократией бюрократическими же средствами — бесплодное занятие, которое только укрепляет бюрократию.

Антиподом бюрократизма является демократизм. Первым и главным вопросом всякой подлинной политики демократизации общества, который необходимо решить, является создание реальных гарантированных условий для свободного существования и развития национальных культур, для развития наций в целом. Пока этот вопрос не поставлен (особенно в такой многонациональной стране как СССР), пока он демократически не решен — серьезно говорить о развертывании демократизации нет оснований. Важнейшим же условием нормального существования национальной культуры является свободное и всеобщее развитие национального языка, обеспечение его исконных прав на национальной территории. Именно судьба языка больше всего беспокоит сейчас национальную интеллигенцию. Аппаратчики стремятся замолчать суть языковой проблемы. Там, где позиции национального языка уже ослаблены настолько, что употребление его создает препятствия для социального продвижения в обществе, в системе управления, бюрократический функционер сознательно отказывается от него и паразитирует на русском языке. Здесь он творит одно из самых своих черных дел — становится могильщиком родного национального языка, проводником бюрократического великодержавного шовинизма и русификации. В этот период произрастает такое отвратительное реакционное явление как национальный нигилизм — отречение от национальных традиций и охаивание культурных ценностей собственного народа, прежде всего быта, истории и языка.

Великодержавный шовинизм — порождение прежде всего царской бюрократии и русской буржуазии. Не случайно у наиболее передовых представителей русской интеллигенции возникало чувство вины перед нерусскими народами России.

Некоторые из них не только поддерживали национально-освободительное движение, но и боролись в его рядах против самодержавия. Это обстоятельство было широко продумано и подлинно интернационалистски понято В. И. Лениным, который считал, что мерой отношений между русским и нерусскими народами должен стать принцип «компенсации».

«Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять, — писал В. И. Ленин, — не только в соблюдении формального равенства нации, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной...» («К вопросу о национальностях или об «автономизации»). Это было написано в 1922 году вскоре после образования СССР. Через 65 лет чиновники позаботились, чтобы полностью забыть ленинские слова, извращая смысл и значение подлинного интернационализма в развитии национальных культур. А между тем бюрократический, шовинистический и нигилистический произвол, культивировавшийся долгое время, нанес огромный ущерб иным национальным языкам и духовной истории наций. Восстановление национальной справедливости невозможно здесь без применения ленинского принципа «компенсации». Внедрение двуязычия в этом случае, в том смысле, как его понимает бюрократия, вообще несовместимо с задачей национальной реабилитации культуры и языка, ибо начинать необходимо, как и в 20-х годах, с языковой «национализации» всей жизни такой национальной республики (например, в Белоруссии, на Украине, в Молдавии и др.).

Научные исследования всей совокупности проблем билингвизма крайне необходимы, также как и учет зарубежного опыта. Однако, в условиях засилия бюрократизма (а мы от этого засилия, будем искренни, еще не избавились и неизвестно, когда избавимся) не менее важным является представление о социально-политической стороне проблемы. Выяснению этого аспекта и посвящены предлагаемые заметки. Но побудило их написать другое обстоятельство. Бюрократически мыслящий человек доверяет научным аргументам постольку, поскольку указано

им доверять или поскольку это необходимо по его политическим, идеологическим и другим соображениям. В противном случае он требует конкретных доказательств (в надежде, что их не будет, а если будут, тогда он подумает, как ими распорядиться). Лучшим доказательством теории, как известно, является практика. К счастью, точнее к великому нашему несчастью, таких доказательств более чем достаточно, и самое страшное — они с точностью подтверждают научные выводы статьи М. Хинта. Рассмотрим некоторые из них на примере Белорусской ССР.

Белорусская культура имеет высоко развитую древнюю основу более чем тысячелетней давности, зафиксированную в языке, истории, памятниках архитектуры, письменности и городах. Расцвет белорусской культуры в XV—XVII веках был одновременно и расцветом белорусского языка, который являлся официальным государственным языком в общем для белорусского и литовского народов государстве — Великом Княжестве Литовском. На этом языке написаны памятники государственного права, государственная метрика, древняя литература, первые среди восточных славян печатные книги (1517 г.). В это время белорусский язык и в целом народ сыграли большую роль в передаче западных гуманистических традиций культуры на восток, в русское государство. Однако времена изменились, белорусский и литовский народы потеряли свою государственность, и в конце XVII века оказались в составе царской России. В XIX веке белорусский язык был запрещен и подвержен жестоким гонениям. Национальное возрождение началось во второй половине XIX века. Но только после революции и создания советской республики белорусский язык был возрожден и вновь обрел государственное значение. Репрессии 1930-х годов были невиданными в истории. Уничтожено большинство национальной интеллигенции. Белорусский язык начинают снова изгонять из государственной и общественной жизни. После войны, во время которой белорусский народ потерял почти два с половиной миллиона человек и внес осязаемый вклад в победу над фашизмом, он стал бессловесной жертвой сталинской кадровой политики, которая заключалась в том, что поскольку-де республика была под оккупацией, на руководящие государственные, партийные и административные посты в Белоруссии назначались и присылались передвиженцы главным образом из внутренних и вос-

точных областей РСФСР. Образовался плотный бюрократический слой, не проявлявший ни малейшего интереса ни к белорусскому языку, ни к культуре. Этим были созданы условия и среда принудительного двуязычия. Преобразование белорусских школ в русские исходило сначала из необходимости обучать детей новой бюрократии, которая не хотела учиться белорусскому языку, а потом объяснялось «интернационалистским долгом», «сближением наций», «братской любовью», и прочим. Эта политика претворялась в жизнь очень целенаправленно и последовательно, часто не брезгуя никакими средствами для достижения цели, собрав в ведомстве народного образования уникальные образцы мажорного бюрократизма. Все это привело к катастрофическому состоянию национальной духовной культуры, иллюстрирующему на практике разрушительную силу принудительного билингвизма.

К середине 1970-х годов, через 40 лет после начала «лингвистического эксперимента», во всех белорусских городах (а их в республике 95) и почти во всех районных центрах (117) не осталось ни одной белорусскоязычной школы и ни одного белорусскоязычного детского сада. Закрываются белорусские школы в некоторых местечках и даже деревнях. В полутрамиллионном Минске по сегодняшний день все школы только русские. При этом доля городского населения белорусской национальности составляет в республике 71,5 процента, а доля всего белорусского населения — около 80 процентов (данные на 1979 год). Прекращается преподавание белорусского языка в русских школах как предмета. Впоследствии, правда, учитывая возмущение части интеллигенции, преподавание белорусского языка было восстановлено, но от его изучения ученик мог быть освобожден по желанию родителей или по медицинской справке, свидетельствующей, что по состоянию здоровья ребенку противопоказано заниматься белорусским языком. От русского языка или от геометрии по справкам, естественно, не освобождали. За все послевоенные десятилетия в республике не подготовлено ни одного учителя для белорусскоязычной школы. Преподавание во всех вузах Белоруссии, техникумах, училищах ведется только на русском языке. Все делопроизводство, от колхозной канцелярии до правительственного учреждения, ведется в республике только на русском языке. Вся реклама, все объявления, указатели, вывески, таблички, плакаты и другие общественнообозримые

надписи создаются в Белоруссии (за исключением частично Минска) только на русском языке. Все надписи на промышленных и потребительских товарах делаются по-русски и т. д.

Сфера белорусского письма частично сохранилась в прессе. На белорусском языке издается еще 6 республиканских газет из 11 (но общий тираж их в десять раз меньше, чем русских), 4 областные из 6 и большинство районных. На белорусском языке выходит несколько литературных и общественно-политических журналов, издается художественная литература (4,7 проц. печатных листов оттисков, остальные 95,3 проц. на русском языке; данные на 1984 год). Такова «видимая» обстановка с белорусским языком. Теперь о «слышимой». Здесь изменения более катастрофичны, ибо затрагивают сущностные пласты национальной культуры. Белорусская речь звучит в белорусских программах радио и телевидения, в общении между писателями, частично между журналистами и отчасти в среде творческой и научной (гуманитарной) интеллигенции и студентов. На белорусском языке общается менее трети коренного населения. Это в основном люди старше 35—40 лет в сельской местности. (Подсчеты приблизительные.) Где-то около 10 процентов белорусов говорят на характерном русском пиджин-языке с обедненным словарным составом, грамматикой, с белорусской мелодикой и ритмикой в речи и характерными фонетическими особенностями. И только часть из этой группы хорошо владеет русским языком (но не знает притом родного белорусского). Самая большая группа белорусского населения республики (50—60 процентов) разговаривает на креолизованном (смешанном) русско-белорусском «полуязыке». (В Белоруссии его называют «трасянка», что в буквальном переводе означает «смесь сена и соломы».) Полуязык, «трасянка» — главная причина ограниченного культурного уровня. Поэтому область его распространения — средние и нижние стратиграфические социальные слои. Общественная локализация этого полуязыка, в свою очередь, обеспечивает воспроизводство и социальную устойчивость «трасянки», а следовательно, и низкого уровня духовной культуры, которая в целом обнаруживает здесь тенденцию к дальнейшему понижению. Создалась ситуация, когда причина и следствие бескультурья связаны неразрывно, то есть причина (полуязык) выступает следствием, а следствие причиной.

Полуязычие значительной части населения Белоруссии крайне губительно сказывается на развитии культуры. И дело не только в том, что умственная энергия народа теряется и не получает развития, как верно отмечает М. Хинт. Печальная практика Белоруссии, пожинаяющей плевелы принудительного двуязычия, контрастно осветила скрытые западни бюрократически понятого билингвизма. И прежде всего ту аксиому, что человек не может одновременно развиваться и существовать в двух культурах. Личность не получает полноценного духовного развития. Полуязычное население республики, в массе своей индифферентно и к русской, и к белорусской культуре, плохо ориентируется в этих культурах. Полуязычный индивидуум не чувствует тонкостей духовных связей (что, кстати, заключено в языке и выражается посредством речи), плохо мыслит абстрактными понятиями, зачастую не может теоретически осмыслить явление, а если и понимает более сложные отношения, не может их выразить и внятно объяснить собеседнику. Начинается мучительный подбор слов, запинание на каждой плохо согласованной фразе. Не патологическое «заикание», о чем пишет М. Хинт, а запинание как результат неразвитых способностей оперировать понятиями и невладение системной структурой языка (в «полуязыке» ведь единой структуры нет). Казалось бы, парадокс: любой эстонский или латышский рабочий, колхозник, служащий, воспитанный с детства в одноязычной среде, плохо говорящий по-русски, тем не менее умеет на этом языке гораздо более четко, последовательнее и короче по времени изложить свои мысли и построить речь, чем такой же, но полуязычный рабочий, колхозник, служащий белорус, говорящий, казалось бы, сразу на двух языках. Впрочем, то же в значительной степени относится и к белорусам, разговаривающим на русском пиджин-языке. Чтобы убедиться в этом, достаточно определенное время послушать записи различных интервью по союзному, белорусскому и другому республиканскому радио.

Полуязычное существование приостанавливает внутренний спонтанный процесс развития культуры, так как тормозит национальное самопознание (идентификацию) личности, своего общественного, культурного и духовного «Я». Но способность к потреблению культуры при этом остается. Только она, эта способность, меняет ориентацию с внутренней на внешнюю среду, с активной пози-

МЭЭЛИК КАТТАГО

ТРАКТАТ ОБ ИСТОЧНИКЕ САМОДВИЖЕНИЯ. (КОНЦЕПЦИЯ НЕГВЕСИЯ) «ПРИЗМА» НЕГВЕСИЯ. IV

Приведенная в предыдущем разделе концепция негвесия по сути очень проста: все, что существует — негвесно, потому, что существует, а все что негвесно — движется, потому что негвесно.

Обычно за изложением нового положения следует коллекция примеров. На мой взгляд, это утомляет тех, кто принимает предлагаемое новшество, и раздражает тех, кто его отвергает. Не желая ни утомлять, ни раздражать, откажемся от «примерных» традиций. Вместо этого предлагаем читателю посмотреть на некоторые известные ему явления сквозь «призму» негвесия. То есть, осуществить негвесный подход.

Общий путь его таков: всеобщее (негвесие) обнаруживается в общем (неравновесие, нужда, потребность) и соответственно применяется к особенному и конкретному на добиологическом, биологическом и социальном уровнях материи. При этом следует учитывать, что высшее основывается на низшем, оказывает на него, со своей стороны, организующее влияние. И еще. На поверхности сфер господства сложнейших форм негвесия, с виду вполне самостоятельно, могут действовать и его простейшие, статистические формы.

Масштабность негвесного подхода вытекает из с к в о з н о г о характера теории негвесия. Движение абсолютно. Оно составная часть предмета любой науки. А это означает, что теория, объясняющая движение вообще, является общенаучной теорией. Негвесный подход позволяет обнаружить источник движения любого «механизма» (в широком, переносном смысле этого слова) — будь то часовой, эволюционный или хозяйственный. При этом осуществляется переход от о п и с а н и я (в настоящее время описание — «идеал» большинства наук) к о б ъ я с н е н и ю, от вопросов «как?» к вопросам «почему?» — переход на качественно новый уровень познания.

Негвесный подход глубоко и н т е р д и с ц и п л и н а р е н, он сохраняет специфичность рассматриваемых явлений, подчеркивая в то же время их единство. Высшее не сводится к низшему, и то и другое исследуется лишь с единой точки зрения. По своему межнаучному характеру теория негвесия походит на общую

теорию систем, кибернетику, на другие общенаучные направления.

Успех научного объяснения предполагает правильно выбранную платформу. Просто талантливый ученый с верными исходными воззрениями может с легкостью достичь большего, чем гений, стоящий на ложных позициях, или вообще их не имеющий. На мой взгляд негвесный подход может послужить такой «правильной платформой». В этом, наверное, и состоит его эвристическая функция. Негвесный подход превращает правильное стихийное в правильное сознательное и отвергает неправильное стихийное; указывает общий путь объяснения.

Итак, некоторые вольные импровизации с новым инструментом на старые темы.

Синергетика.

В начале 70-х годов западногерманский физик-теоретик Герман Хакен обнаружил поразительное сходство математического описания лазерной генерации и фазовых переходов, гидродинамических неустойчивостей. Дальнейшие исследования привели к рождению нового научного направления — синергетики. Это древнегреческое слово обозначает согласованное совместное действие; имеется в виду коллективное взаимодействие подсистем, их с а м о о р г а н и з а ц и я, спонтанное образование упорядоченных структур.

Синергетика родилась на аналогиях. Свою основную задачу она видит в обнаружении и математическом о п и с а н и и процессов самоорганизации. К настоящему времени в этом направлении достигнуты значительные успехи. Проведено немало международных конференций, быстро растет число публикаций.

Примерно в это же время, независимо от Хакена, в том же направлении работала и Брюссельская школа неравновесной термодинамики, во главе с И.Пригожиным. Но она подошла к самоорганизации с другой стороны, через термодинамический анализ. Острые исследования было направлено на о б ъ я с н е н и е возникновения упорядоченности. Эти работы также увенчались успехом: «творцом» порядка оказалось превышающее некий предел неравновесие — сильное неравновесие.

Из предыдущих разделов мы помним,

ции на пассивную. В результате возникают условия для развития и потребления массовой культуры, эрзаца, суррогата, имитации духовных ценностей. Мы уже наблюдаем это явление.

Какой урон нации приносит двуязычие и дестабилизация языковой ситуации в Белорусской республике, никто не считал. Бюрократия называет такое положение «развитым двуязычием» и «великим завоеванием национальной политики». Но достаточно сравнить разные культурные позиции нашей якобы «двуязычной» республики с аналогичными позициями, например, Эстонии или Латвии, как сразу же увидим разницу во множестве порядков. Выясняется, что отдельные аспекты культурной жизни вообще отсутствуют в Белоруссии или находятся в плачевном состоянии. Экономические же показатели и в Белоруссии, и в прибалтийских республиках примерно равны. Это успокаивает бюрократию.

Отношение к национальному языку исходит из факта признания самоопределения народа. Если признается народ — признается и его язык, ибо без языка нет народа. Поэтому все манипуляции с национальным языком, призванные якобы регламентировать, а на деле ограничить его употребление в национальных республиках, есть проявление политической фальши бюрократизма по отношению к народам, фальши, на которую четко указывал В. И. Ленин, отрицая любые привилегии для любого языка, в многонациональной России и требуя одновременно введения «строжайших правил» относительно употребления национального языка в республиках. Каждый национальный язык должен владеть полным, всеобщим и приоритетным правом на своей национальной территории. В противном случае надо признать, что государственный, национальный, культурный суверенитет республик, право на выход из Союза и другие революционные завоевания являются «пустой бумажкой» и борьбу за эти первоочередные ценности народов нужно начинать сначала.

Естественно, в каждой союзной (автономной) республике (в том числе и в РСФСР) необходимо учитывать интересы представителей других республик, проживающих на ее территории (образование, культурные объединения, печатные издания и т. д.). Но совершенно нельзя согласиться с бюрократическим требованием особого отношения, а фактически привилегий для русского языка в ущерб национальному в национальных республиках, исходящим из того, что он является язы-

ком «межнационального общения». Ведь именно потому, что русский язык стал языком «межнационального общения», он находится в гораздо более выгодном положении, чем любой другой язык в СССР. В создавшемся положении уместно заботиться о компенсации национальным языкам, а не о привилегиях великому русскому языку, которому ничто не угрожает.

Вспоминаются 1920-е годы. Когда, например, Горы-Горецкий земледельческий институт был преобразован в Белорусскую сельскохозяйственную академию, туда пригласили ленинградскую профессуру, ибо своих кадров не хватало. Ленинградские ученые быстро изучили белорусский язык и приступили к чтению лекций по-белорусски. Тогда даже мыслей не возникло, что может быть иначе, ведь это было союзная республика, где все преподавание в вузах, все делопроизводство велось на белорусском языке. Разве мог тогда образованный русский интеллигент позволить себе не уважать, не знать язык народа, который пригласил его к себе. Теперь неуважение к белорусскому языку стало обычным явлением. И дело не столько в девальвации образованности и интеллигентности. В 1920-е годы еще не сложилась эта особая, отравляющая обстановка психология бюрократических отношений, делающая из образования не средство культуры, а орудие бюрократизма.

В реальных жизненных условиях деформированной культуры выявляются тысячи морально-психологических аспектов отвратительнейшего свойства, оскорбляющих национальные чувства и человеческое достоинство личности. Но это особая тема. Отмечу, однако, что несмотря на поистине апокалиптическое положение с белорусским языком, прогноз в целом оптимистический. Не так просто уничтожить язык, имеющий древнюю культуру и историю. Реабилитация его в условиях подлинной социалистической демократии, которую, правда, еще надо отстаивать и создать, может произойти довольно быстро. Труднее будет восстановить психологический, духовный ущерб, нанесенный двуязычием национальной культуре, избавиться от общественных комплексов. Для этого потребуются длительное время. Пример белорусского языка в аспекте введения двуязычия в Эстонии пусть же послужит уроком и предостережением для тех, у кого, возможно, уже ослаб инстинкт культурного самосохранения в радужных перспективах теоретического билингвизма.